

Научная статья

УДК 327.56

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.12>

МИРОТВОРЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИЯ В ЮЖНОЙ ОСЕТИИ В 1992–2008 ГГ.

Артём Игоревич Черкасов

Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

Ассистент

artemcherckasov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1030-197X>

Аннотация. Введение. Операция по поддержанию мира в Южной Осетии являлась первой миротворческой миссией на постсоветском пространстве. Она имела ряд особых черт, которые представляют научный и практический интерес в контексте миротворческой деятельности на территории бывшего СССР. Однако в историографии тема по-прежнему остаётся малоизученной, поскольку исследователи ранее не проводили системного и целостного анализа операции в Южной Осетии. **Материалы и методы.** В статье используются официальные документы и материалы периодической печати в контексте миротворческой операции в Южной Осетии, которые анализируются посредством историко-генетического, историко-сравнительного и историко-типологического методов. **Анализ.** Правовая основа для проведения операции по поддержанию мира в Южной Осетии была заложена в Дагомьском соглашении от 24 июля 1992 г. В число непосредственных целей миротворцев входило выполнение военных, гуманитарных, политических и правоохранительных задач. Организационная структура миссии была представлена чередой общих и специализированных органов. Деятельность миротворческой операции в Южной Осетии можно условно подразделить на два этапа: на первом этапе (1992–2001 гг.) происходило организационное оформление миссии и эффективно выполнялось большинство поставлен-

ных задач; на втором этапе (2002–2008 гг.) начался кризис операции из-за саботажа и агрессивных действий со стороны Грузии. Миссия в Южной Осетии содержала ряд характерных особенностей, в числе которых можно выделить многозадачность, пристрастность, бессрочность, скрытое единоличное лидерство, разветвлённая организационная структура. **Результаты.** Операция в Южной Осетии характеризовалась средней эффективностью в решении конкретных задач, однако её главная цель по поддержанию мира не была выполнена из-за агрессивных действий Грузии в 2000-х гг., а также в силу самой специфики миссии со всеми её особенностями, недостатками и ограничениями.

Ключевые слова: миротворческая операция, ССПМ, СКК, Россия, Южная Осетия, Грузия, Южный Кавказ

Для цитирования: Черкасов А. И. Миротворческая операция в Южной Осетии в 1992 – 2008 гг. // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 2. С. 268–278. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.12>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 21.12.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 14.03.2025.

Статья принята к публикации: 15.05.2025.

Research article

PEACEKEEPING OPERATION IN SOUTH OSSETIA IN 1992–2008

Artem I. Cherkasov

North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

Assistant

artemcherckasov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1030-197X>

Abstract. Introduction. The peacekeeping operation in South Ossetia was the first mission in the post-Soviet space. It had a number of special features that are of scientific and practical interest in the context of peacekeeping activities in the territory of the former USSR. However, in historiography, the topic remains poorly studied because researchers have not previously conducted a systematic and comprehensive analysis of the operation in South Ossetia. **Materials and Methods.** The article uses official documents and periodical press materials in the context of the peacekeeping operation in South Ossetia, which are analysed using historical-genetic, historical-comparative and historical-typological methods. **Analysis.** The legal basis for the peacekeeping operation in South Ossetia was laid down in the Dagomys Agreement of 24 July 1992. The immediate objectives of the peacekeepers included the implementation of military, humanitarian, political and law enforcement tasks. The organizational structure of the mission was represented by a series of general and specialized bodies. The activities of the peacekeeping operation in South Ossetia can be conditionally divided into two stages: at the first stage (1992–2001) the organizational structure of the mission was formed and most of the assigned tasks were effectively carried out; at the second

stage (2002–2008), due to sabotage and aggressive actions by Georgia the crisis of the operation began. The mission in South Ossetia had a number of characteristic features, including multitasking, bias, open-endedness, hidden personal leadership, and a ramified organizational structure. **Results.** The operation in South Ossetia was characterized by average effectiveness in solving specific tasks, but its main goal of maintaining peace was not achieved due to aggressive actions of Georgia in the 2000s, as well as due to the very specifics of the mission with all its features, shortcomings and limitations.

Keywords: peacekeeping operation, JPKF, JCC, Russia, South Ossetia, Georgia, South Caucasus.

For citation: Cherkasov AI. Peacekeeping operation in South Ossetia in 1992–2008. *Humanities and law research*. 2025;12(2): 268–278. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.12>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 21.12.2024.

The article was approved after reviewing: 14.03.2025.

The article was accepted for publication: 15.05.2025.

Введение. Миротворческие операции с момента основания ООН стали важным инструментом в деле мирного урегулирования вооружённых конфликтов. Если во время Холодной войны ключевую роль в миротворческой деятельности играли международные контингенты под эгидой ООН, то после окончания биполярного противостояния в 1990-х гг. региональные организации и отдельные государства начали всё чаще организовывать собственные миссии. Не являлось исключением и постсоветское пространство, где уже в период перестройки постепенно нарастали межнациональные противоречия, которые в 1990-х гг. вылились в череду открытых вооружённых конфликтов. На фоне общей дестабилизации обстановки на бывших окраинах Советского Союза всё острее ощущалась потребность в арбитражном урегулировании возникающих конфликтов с привлечением миротворческих сил. Однако ООН не спешила организовывать собственные миссии, именно поэтому Россия как правопреемница Советского Союза решительно выступила в роли главного инициатора по проведению миротворческих операций на постсоветском пространстве.

Операция по поддержанию мира (далее – ОПМ) в Южной Осетии являлась первой миротворческой миссией на территории бывшего СССР, вследствие этого она заложила основополагающие принципы для дальнейшей практической деятельности на постсоветском пространстве. Организация миссии вне структур ООН также обусловила появление ряда уникальных аспектов, например, прямое включение участников конфликта (Грузия и Южная Осетия) и зависимых субъектов (Северная Осетия) в состав миротворческих структур, которыми фактически руководила Россия. Несмотря на завершение миссии в 2008 г., ОПМ даже сегодня продолжают оставаться приоритетными для Москвы, о чём свидетельствует последняя концепция внешней политики РФ от 31 марта 2023 г., в которой прямо обозначена необходимость уделять приоритетное внимание «повышению роли России в миротворческой деятельности» [10]. Однако недавний провал ОПМ в Нагорном Карабахе в 2020 – 2024 гг. вновь актуализирует вопрос об эффективности миротворческих миссий на Южном Кавказе в деле урегулирования вооружённых конфликтов. В данном контексте системный анализ миротворческой операции в Южной Осетии позволит оценить её эффективность, а также выявить преимущества и недостатки, которые в дальнейшем можно будет учесть при организации новых ОПМ.

При всём значении и актуальности темы, миротворческая операция в Южной Осетии по-прежнему слабо изучена в историографии, поскольку историки и политологи, как правило, концентрируют своё внимание на общих аспектах российского миротворчества на Южном Кавказе [54], либо в целом изучают феномен ОПМ на постсоветском пространстве в теоретическом или правовом ракурсе [8]. Однако даже в немногочисленных специальных статьях по ОПМ в Южной Осетии исследователи затрагивают только отдельные частные аспекты, такие как вооружённые силы России в составе миротворческого контингента [4], правовая основа для их нахождения в Южной Осетии [2], роль Москвы в деятельности руководящего органа миссии [55], критический анализ некоторых основополагающих документов [3]. Тем самым в историографии по-прежнему отсутствует целостное и системное специальное исследование ОПМ в Южной Осетии, кроме того, в научной

литературе до сих пор не проводилось детального анализа делопроизводственных документов Смешанной Контрольной Комиссии, из-за чего существующие оценки относительно эффективности миссии остаются во многом политизированными. Именно поэтому изучение миротворческой операции в Южной Осетии по-прежнему сохраняет свою научную актуальность.

Материалы и методы. Источниковедческая база исследования основывается на официальных документах, связанных с миротворческой операцией в Южной Осетии, а также на материалах периодической печати России и Южной Осетии. Методологическую основу исследования составляют историко-генетический метод, необходимый для изучения эволюции ОПМ в Южной Осетии, а также историко-сравнительный анализ, используемый для сопоставления миротворческой деятельности всех участников операции. Наряду с этим, в исследовании используется историко-типологический метод для внутреннего структурирования деятельности ОПМ.

Анализ. В конце 1980-х гг. на Южном Кавказе по мере нарастания системного кризиса в Советском Союзе и ослабления центральной власти рост национализма на окраинах, тогда ещё единого государства, усиливал напряжённость в обществе и порождал открытые межэтнические конфликты, среди которых грузино-осетинские противоречия не являлись исключением. Националистическая политика Грузии, связанная с притеснением этнических меньшинств и направленная на выход из состава Советского Союза, спровоцировала ответную реакцию в конце 1980-х – начале 1990-х гг. 20 сентября 1990 г. Южно-Осетинская автономная область объявила о создании Республики, независимой от Грузии, но входящей в состав Советского Союза. В ответ Тбилиси лишил Цхинвал автономии, а после его отказа подчиниться направил войска в Южную Осетию, положив начало вооружённому конфликту в январе 1991 г. [9]. После полутора лет кровопролитных боёв стороны, при посредничестве Северной Осетии, согласились 10 июня 1992 г. подписать Казбегское соглашение, в соответствии с которым в зоне конфликта немедленно вводился режим прекращения огня, а также создавался миротворческий контингент из военных наблюдателей Грузии и Южной Осетии [38, с. 250]. Спустя две недели при посредничестве России и Северной Осетии 24 июня 1992 г. было заключено новое Дагомыское (Сочинское) соглашение, которое, помимо прекращения огня, обязывало стороны конфликта отвести войска от линии соприкосновения. В договор также был включён пункт о создании смешанного миротворческого контингента России, Грузии и Северной Осетии, что тем самым заложило правовую основу и создало первоначальный мандат для проведения ОПМ [57, с. 253].

В сферу ответственности миротворцев с 12 июля 1992 г. входила «зона безопасности» радиусом в 15 км с центром в г. Цхинвал, а также «коридор безопасности» шириной в 14 км вдоль грузино-южно-осетинской границы [27]. Позднее 6 декабря 1994 г. смешанному контингенту также было разрешено при необходимости действовать в прилегающих областях [21, с. 290]. Правовая ответственность миротворцев за их действия регулировалась на основе принципа экстерриториальности, т.е. военный и гражданский персонал подчинялся законодательству своей страны (России или Грузии) [21, с. 294], но за пределами зоны ответственности продолжала действовать уголовная и административная юрисдикция Грузии [2, с. 143].

Задачи миротворческой миссии в Южной Осетии были гораздо шире, чем предполагают ОПМ, поскольку они затрагивали не только военные аспекты, но также гуманитарные, политические и правоохранительные:

1) Военные задачи – первоначально ограничивались контролем за режимом прекращения огня, выводом всех вооружённых формирований, роспуском сил самообороны Южной Осетии и поддержанием безопасности [57, с. 253]. Однако 31 октября 1994 г. в число непосредственных задач было добавлено разоружение всех незаконных формирований [18, с. 287], а 6 декабря 1994 г. – пресечение их деятельности и контроль за вооружением и боевой техникой в сфере ответственности [21, с. 291];

2) Гуманитарные задачи – первоначально заключались в разминировании полей [57, с. 253], но с 31 октября 1994 г. в их число было добавлено содействие в восстановлении гражданской инфраструктуры, контроль за соблюдением прав человека и национальных меньшинств, обеспечение безопасного возвращения беженцев [18, с. 287];

3) Политические задачи – в расширенном мандате от 31 октября 1994 г. появился пункт о содействии процессу мирного урегулирования конфликта [18, с. 287].

4) Правоохранительные задачи – 6 декабря 1994 г. сфера деятельности миссии была расширена на правоохранительную сферу, в рамках которой миротворцы обязывались содействовать местным милицейским в борьбе с преступностью [21, с. 291].

Для выполнения поставленных задач в рамках миротворческой миссии создавалась достаточно разветвлённая организационная структура:

1) Смешанная Контрольная Комиссия (СКК) – учреждена 24 июня 1992 г. по Дагомысскому соглашению в качестве высшего руководящего и координирующего органа миротворческой миссии. Штаб-квартира располагалась в г. Цхинвал [57, с. 253], а сама СКК состояла из 11 представителей России, Грузии, Северной и Южной Осетии, включая трёх сопредседателей (по одному от каждой стороны, кроме Южной Осетии) [39]. Необычное появление в составе СКК Северной Осетии, которая являлась зависимым субъектом Российской Федерации, являлось уникальной чертой данной операции [3], что, впрочем, было обусловлено её важной ролью в переговорном процессе в силу тесных этнических связей с Южной Осетией. Однако включение Северной Осетии в СКК не давало России никаких преимуществ, поскольку по расширенному мандату от 31 октября 1994 г. все решения стали приниматься на основе консенсуса четырёх сторон. Первоначально СКК являлась временным органом, однако 31 октября 1994 г. она приобрела постоянный статус, в связи с чем создавались две дополнительные структуры – Заседание полномочных представителей (ЗПП), которое созывалось раз в три месяца и принимало все ключевые решения, а также Секретариат, действовавший в качестве регулярного исполнительного органа [18, с. 286].

2) Объединённое командование (ОК) – учреждено 24 июня 1992 г. по Дагомысскому соглашению в качестве военно-координационного центра, который состоял из трёх старших военных начальников, командовавших национальными батальонами России, Грузии и Северной Осетии [57, с. 253]. Позднее по решению СКК от 6 декабря 1994 г. была создана должность единого Командующего, которому подчинялись старшие военные начальники [48, с. 289]. Он назначался только из чис-

ла российских генералов и имел право единолично решать вопрос о военном использовании миротворцев, но с предварительным уведомлением СКК [21, с. 293].

3) Смешанные силы по поддержанию мира (ССПМ) – учреждены 24 июня 1992 г. по Дагомысскому соглашению в качестве миротворческого контингента, выполнявшего непосредственные задачи операции. ССПМ состояли из трёх национальных батальонов России, Грузии и Северной Осетии, которые напрямую подчинялись Объединённому командованию [57, с. 253]. Миротворцы имели право применять оружие для самообороны и защиты мандата, а также задерживать и досматривать гражданских лиц в сфере ответственности [21, с. 291]. В зоне конфликта запрещалось содержать вооружение свыше 100 мм, поэтому военное снаряжение ССПМ было ограничено 82 мм миномётами, 76 мм СПГ, БТР с крупнокалиберными пулемётами и БМП с 30 мм пушками [58], из-за этого миротворцы не могли силой локализовать вспышку конфликта между Грузией и Южной Осетией в случае нарушения режима прекращения огня, но они имели возможность ликвидировать небольшие незаконные формирования. Наиболее боеспособной частью в составе миротворческой миссии являлся российский батальон, поскольку он был сформирован из 104-го парашютно-десантного полка 6-й Псковской дивизии ВДВ. В то время как батальоны Грузии и Северной Осетии изначально укомплектовывались из числа добровольцев, причём некоторые из них являлись бывшими участниками конфликта, что нарушало принцип беспристрастности [15].

Комплектование ССПМ проводилось на контрактной основе из добровольцев от 20 до 50 лет, ранее служивших в армии и не подвергавшихся уголовному преследованию. Год службы в миротворческом контингенте приравнивался к трём годам трудового стажа в гражданской жизни [19]. Позднее 6 декабря 1994 г. нижняя планка для набора добровольцев была снижена до 18 лет, а также вводилась дополнительная рекомендация «по возможности» не набирать людей, которые ранее участвовали в грузино-осетинском конфликте [21, с. 293]. Максимальная численность ССПМ была определена с каждой из трёх сторон по 500 человек с правом увеличить батальон ещё на 300 военных из резерва [55, с. 69]. Однако первоначально в зону конфликта было введено лишь по 220 человек с каждой стороны [16], позднее Россия довела численность своего батальона до 534 военных с 46 БМП, 55 автомобилями и 9 миномётами [8, с. 94], а Северная Осетия и вовсе увеличила свой контингент до 870 человек [15].

4) Смешанные группы наблюдателей (СГН) – учреждены 24 июня 1992 г. по Дагомысскому соглашению для наблюдения и фиксирования ситуации в зоне конфликта. СГН состояли из 72 человек [22], которые имели в своём распоряжении, помимо стрелкового оружия, два вертолёта Ми-8, три БТР и три УАЗ-464 [40]. Военные наблюдатели комплектовались по тем же правилам, что и все миротворцы, но они набирались только из числа прапорщиков и выше, а также, в отличие от ССПМ, подчинялись напрямую СКК, а не Объединённому командованию [21, с. 293].

5) Специальный многосторонний пресс-центр (СМПЦ) – учреждён 24 июня 1992 г. по Дагомысскому соглашению для освещения в СМИ процесса урегулирования конфликта [57, с. 253]. Руководителем пресс-центра обычно являлся российский офицер [58].

6) Специализированные Советы при СКК – учреж-

дены 3 августа 1992 г. для выработки конкретных предложений по различным направлениям деятельности миссии. Наиболее важными являлись Экономический совет, Правоохранительный совет, Совет по социальной защите и помощи населению, которые подчинялись напрямую СКК, а в перерывах между заседаниями – Объединённому командованию [52].

7) Специальный координационный центр по взаимодействию правоохранительных органов (СКЦ ВПО) – учреждён 21 апреля 2001 г. в качестве координирующего органа для содействия грузинским и южноосетинским правоохранительным органам в борьбе с преступностью в зоне конфликта [20].

Финансирование разветвлённой организационной структуры миссии осуществлялось четырьмя сторонами «на равной долеовой основе» [57, с. 253]. Однако фактически всё бремя расходов приходилось на Москву и Тбилиси, которые поровну делили между собой затраты, поскольку Северная Осетия являлась субъектом Российской Федерации, а Южная Осетия формально продолжала находиться в международно-признанных на тот момент границах Грузии. На одно только восстановление гражданской инфраструктуры Россия и Грузия в июне 1992 г. согласились выделить 32,2 млрд руб. (в ценах на январь 2025 г. – 230 млрд руб.) [41], наряду с которыми они обязывались выплачивать жалование миротворческому контингенту. В июле 1992 г. оплата миротворцам от рядового до командира батальона была установлена в размере 8–10 тыс. руб. в месяц (в ценах на январь 2025 г. – 48–60 тыс. руб.), а также страховые выплаты от ранения средней тяжести до смерти в 50–100 тыс. руб. (в ценах на январь 2025 г. – 300–600 тыс. руб.) [16]. В отличие от всех остальных миротворческих миссий сроки проведения ОПМ в Южной Осетии изначально не были определены [59], только в расширенном мандате от 31 октября 1994 г. впервые прямо заявлялось, что она будет продолжаться до «полномасштабного урегулирования грузино-осетинского конфликта» и прекратит своё действие только с согласия всех четырёх сторон [18, с. 288].

В рамках ОПМ в Южной Осетии миротворцы активно взаимодействовали с различными международными организациями и другими конструктивными силами в зоне конфликта. Так, например, СГН осуществляли совместный мониторинг за режимом прекращения огня с грузино-северо-осетинскими военными наблюдателями, которые были учреждены ещё 10 июня 1992 г. по Казбегскому соглашению [38, с. 250]. Напрямую они не участвовали в ОПМ, но поддерживали активное сотрудничество с миротворцами в Южной Осетии [57, с. 253]. Другая структура в лице СКК взаимодействовала по вопросам политического урегулирования и контроля за режимом прекращения огня с Миссией СБСЕ (ОБСЕ) в Грузии, которая была организована 3 декабря 1992 г. [56, с. 286], а по проблеме возвращения беженцев – с Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) [45]. Косвенные контакты с ЕС и Программой развития ООН (ПРООН) также происходили опосредованно через Грузию, которой обе международные структуры выделяли денежные средства на восстановление Южной Осетии. В частности, ЕС с 1997 г. начало выделять средства на общую сумму в 2,5 млн евро [17; 47], а ПРООН в 1998 г. перечислила правительству Грузии 100 тыс. долл. [23].

Несмотря на формально смешанный состав миротворческой миссии, фактически она была российской,

поскольку Москва являлась основным посредником в заключении перемирия и выступала главным инициатором проведения ОПМ в Южной Осетии. Россия также осуществляла непосредственное командование ССПМ за счёт назначения собственного генерала, а также составляла самый многочисленный (с учётом Северной Осетии) и боеспособный миротворческий контингент. Ключевое значение имело и то, что Москва являлась единственной нейтральной стороной в ОПМ, благодаря чему миссия продолжала функционировать, даже когда Грузия перешла к открытому саботажу в 2000-х гг.

Миротворческая операция в Южной Осетии официально началась 24 июня 1992 г., после чего 4 июля СКК приступила к работе, а 14 июля ССПМ были введены в зону конфликта [59]. Дальнейшую деятельность миссии можно условно подразделить на два крупных этапа: в первый период 1992–2001 гг. происходило организационное оформление миротворческой операции, налаживались основные направления деятельности и постепенно решались возникающие проблемы; второй период 2002–2008 гг. характеризовался кризисом ОПМ из-за подрывных и агрессивных действий со стороны Грузии.

На первом этапе для выполнения военных задач в зоне конфликта было размещено 12 наблюдательных постов, российский и североосетинские батальоны дислоцировались в г. Цхинвал, а грузинский – в с. Никози [4, с. 64]. В первые месяцы нахождения ССПМ в Южной Осетии наиболее эффективным оказался российский батальон, поскольку присутствие профессиональных частей ВДВ даже без боевого применения оказывало сдерживающее влияние на деятельность незаконных вооружённых формирований. Однако уже со второй половины 1992 г. обозначился ряд проблем в миссии – задержки с выплатами для российского контингента, плохая военная оснащённость грузинских солдат, слабая дисциплина в североосетинском батальоне [59], который, помимо прочего, нерегулярно финансировался из Москвы, а в 1994 г. даже не получал положенного жалования на протяжении восьми месяцев [53]. Неприемлемым также являлось недостойное поведение отдельных лиц в грузинском и североосетинском батальонах, которые, помимо прочего, были экипированы запрещённым в зоне конфликта тяжёлым вооружением и техникой свыше 100 мм. Нареканий не вызвала только деятельность российского батальона, который, по оценке СКК, оставался единственным «гарантом относительной стабильности в зоне конфликта» [48, с. 289].

Тем не менее, к 1995 г. руководству ОПМ удалось решить большинство проблем: в грузинском и североосетинском батальонах были исключены недостойные лица, весь остальной личный состав прошёл переаттестацию с последующей ротацией, а тяжёлое вооружение и техника выводились из зоны конфликта [48, с. 289]. Параллельно посредством усилий миротворцев удалось завершить отвод грузинских и южноосетинских войск с линии соприкосновения, установить стабильный режим прекращения огня [56, с. 285], а также ликвидировать большинство незаконных вооружённых групп [15], несмотря на сохраняющиеся проблемы с финансированием российского и североосетинского батальонов [42; 43; 50]. В связи со стабилизацией ситуации с 1996 г. началось поэтапное сокращение застав и наблюдательных постов с последующим переводом миротворческих сил в места их постоянной дислокации [11, с. 300]. Так, например, за один только 1997 г. заставы и посты были

ликвидированы в 13 населённых пунктах в связи с общим улучшением ситуации в сфере безопасности [43]. Успешно продвигалась деятельность по разминированию территории [15]. Вплоть до 2002 г. в зоне конфликта соблюдался режим прекращения огня [4, с. 65], благодаря чему за первое десятилетие ОПМ миротворцы не понесли ни одной боевой потери [5].

Однако в гуманитарной сфере ситуация складывалась значительно хуже. В зоне конфликта сохранялась тяжёлая экономическая ситуация вплоть до 1997 г. [42], поскольку Россия и Грузия в первые годы ОПМ не выполняли взятых на себя обязательств по выделению средств на восстановление гражданской инфраструктуры [51]. Только в результате настоятельных призывов СКК обе стороны с 1997 г. начали постепенно финансировать восстановительные работы, в результате чего к середине 1999 г. Россия в совокупности выделила 19,1 млрд руб. (4,46 млн долл.), а Грузия – 2,4 млн лари (1,92 млн долл.) [41]. На основе этого обе стороны могли уверенно заявить о выполнении большей части финансирования, поскольку изначальные денежные обязательства указывались в абсолютном значении. Однако за период 1992 – 1999 гг. в обоих государствах наблюдался сильный рост инфляции, из-за чего изначальная цифра в 32,2 млрд руб., озвученная в июне 1992 г., приблизилась в номинальном значении к 21,1 трлн руб. в июне 1999 г., из-за чего средства, выделенные Россией и Грузией в 1997–1999 гг., фактически составляли лишь 0,001% от первоначальной суммы обязательств, что в конечном итоге являлось полным провалом.

Возвращение беженцев также продвигалось крайне медленными темпами. К моменту завершения вооружённого конфликта в июне 1992 г. их численность достигла цифры в 100 – 130 тыс. человек. Миротворческая миссия с первых месяцев своей работы пыталась обеспечить безопасное возвращение людей в родные дома и оказать им гуманитарную поддержку. Однако, даже несмотря на общее улучшение обстановки в зоне конфликта, беженцы всё равно опасались возвращаться в Южную Осетию из-за скрытых межэтнических противоречий между грузинами и осетинами, а также из-за тяжёлой экономической ситуации [59]. В 1999 г. СКК оценила деятельность миссии по возвращению беженцев «в целом удовлетворительной» [37], отметив, что главным препятствием для эффективного решения проблемы выступала «недостаточная работа по устранению факторов, сдерживающих процесс возвращения» [49]. Единственным же успехом в гуманитарной деятельности миссии являлось оказание медицинской и продовольственной помощи населению [15].

Не менее сложной оставалась ситуация в правоохранительной сфере. Социальная маргинализация населения на фоне экономической разрухи в совокупности с большим количеством незаконного оружия у людей привела к неконтролируемому росту преступности [59], который продолжался вплоть до 1997 г. [42]. Миротворческие силы в первые годы деятельности не справлялись с выполнением правоохранительных задач, поскольку добровольцы из грузинского и североосетинского батальонов и десантники из российского контингента не обладали специальной подготовкой и навыками для выполнения полицейских функций [59]. Только с 1997 г. в зоне конфликта начало значительно снижаться число преступлений в результате углубления сотрудничества между грузинскими и южноосетинскими правоохранительными органами [14]. Положительная

динамика сохранялась вплоть до 2002 г., в т.ч. благодаря созданию в 2001 г. СКЦ ВПО в рамках миротворческой миссии [20].

Политические же задачи оказались полностью провалены, поскольку год за годом СКК констатировала, что прогресс в дипломатическом урегулировании конфликта по-прежнему отсутствует [42; 48, с. 289].

На втором этапе ОПМ в Южной Осетии ситуация начала резко обостряться из-за односторонних действий Грузии, которая взяла курс на восстановление территориальной целостности страны любой ценой. В мае 2002 г. Грузия впервые начала публично обвинять СКК в неэффективности, хотя она сама являлась её участником, что вызвало закономерное недоумение со стороны других членов Комиссии [34]. Спустя месяц Тбилиси в обход миротворческих структур взял под своё непосредственное управление грузинский батальон, который из-за этого впервые отказался выполнять прямой приказ Командующего ССПМ. Параллельно этому в июле 2002 г. в зоне конфликта начали незаконно пролетать неизвестные БПЛА и вертолёты без опознавательных знаков [24; 46], которые, по всей видимости, принадлежали Грузии, учитывая, что уже в октябре 2002 г. она провела «силовые акции» в Цхинвальском районе [25]. В 2003 г. СКК констатировала, что «обстановка остаётся сложной» [44], поскольку над зоной ответственности миротворцев участились случаи незаконных пролётов БПЛА [26].

После прихода к власти в Грузии президента М. Саакашвили ситуация в Южной Осетии достигла пиковой точки обострения, поскольку в июне 2004 г. по приказу из Тбилиси в зону конфликта были введены регулярные войска, которые пытались захватить г. Цхинвал [6]. Только в августе 2004 г. благодаря посредническим усилиям российских миротворцев стороны согласились возобновить режим прекращения огня и соблюдать условия Дагомысского соглашения 1992 г. [28]. К началу 2005 г. из зоны конфликта была выведена основная часть грузинских и южноосетинских войск [29], резко сократилось число вооружённых инцидентов, начался демонтаж фортификационных сооружений и разминирование полей. Однако по линии соприкосновения всё также происходили перестрелки, в зоне конфликта оставалось тяжёлое вооружение, грузинский батальон превышал допустимую численность военных, Тбилиси продолжал отправлять БПЛА в сферу ответственности миротворцев, а обе стороны оказывали препятствия передвижению ССПМ. На этом фоне активизировались и незаконные вооружённые формирования, которые начали нападать на грузинских и осетинских миротворцев, из-за чего контингент ССПМ впервые за многие годы понёс боевые потери [30]. В 2005 г. многие военные проблемы миссии оставались нерешёнными, а начавшиеся позитивные сдвиги в демилитаризации зоны конфликта вновь были перечёркнуты из-за очередной попытки Грузии захватить г. Цхинвал в сентябре 2005 г. [31]. В результате провала операции Тбилиси уже в ноябре 2005 г. обвинил Россию в незаконных поставках вооружений Южной Осетии [32], после чего в марте 2006 г. Грузия, опять же в нарушение всех договорённостей, ввела военную полицию в зону конфликта [33].

На фоне общего обострения ситуации в Южной Осетии гуманитарная, политическая и правоохранительная деятельность миротворцев была фактически парализована. В 2002 г. Грузия начала нарушать права осетин на подконтрольных себе территориях [35], а в 2004 г.

стала препятствовать поставкам гуманитарных грузов в зону конфликта [30], фактически пытаясь устроить блокаду региона. В результате начавшихся боёв процесс восстановления гражданской инфраструктуры полностью остановился [7], вновь обозначился рост преступности, причём в сфере ответственности начали происходить ранее не фиксируемые захваты заложников и нападения на миротворцев и мирных жителей [30]. Процесс политического урегулирования также не сдвинулся с мёртвой точки из-за фактического отказа Грузии от мирного решения проблемы. СКК на своём последнем заседании 22 июня 2006 г. констатировала, что общая ситуация в зоне конфликта «остаётся напряжённой» [36]. После этого заявления СКК фактически прекратила свою деятельность, а сама миссия оказалась в парализованном состоянии из-за отсутствия консенсуса между сторонами и агрессивных действий Грузии.

Ситуация в зоне конфликта начала полностью выходить из-под контроля в начале июля 2008 г., когда Грузия обстреляла г. Цхинвал, а Южная Осетия в ответ объявила всеобщую мобилизацию [1]. Спустя несколько дней в зоне безопасности начали появляться самолёты ВВС России, которые, по заявлению МИДа РФ, были отправлены в ответ на сообщения миротворцев о готовящемся вторжении Грузии [13]. Оценка ситуации ССПМ была небесспорна, поскольку интенсивность пограничных столкновений продолжала непрерывно нарастать вплоть до начала августа 2008 г. Неизбежность полномасштабной войны в Южной Осетии стала очевидной 7 августа 2008 г., когда грузинский миротворческий батальон без приказа Командующего ССПМ покинул своё расположение и в одностороннем порядке был выведен из зоны конфликта. На этом фоне Россия спустя несколько часов сумела договориться с Грузией и Южной Осетией провести встречу «на высоком уровне», однако она так и не состоялась [14], поскольку в ночь с 7 на 8 августа 2008 г. по приказу М. Саакашвили начался массированный обстрел Цхинвали и полномасштабное наступление регулярных вооружённых сил, в число которых входили и бывшие миротворцы [15].

В условиях начавшихся полномасштабных боёв ССПМ не остались в стороне в качестве сторонних наблюдателей, как это обычно происходит в большинстве других миротворческих миссий, а напрямую вступили в сражение с агрессором, используя оружие для самообороны и защиты мандата [15]. Однако из-за отсутствия военно-воздушных сил, тяжёлого вооружения и техники, а также небольшой численности миротворцы понесли большие потери, которые исчислялись десятками убитых и сотнями раненых. Наступление Грузии удалось остановить только после прямого военного вмешательства России в период 8–12 августа 2008 г. В результате военных действий все предшествующие достижения миротворцев оказались фактически перечёркнуты, поскольку 36 из 50 тыс. жителей Южной Осетии вынужденно покинули свои дома, г. Цхинвал был почти полностью разрушен, а ущерб одному только энергохозяйству региона оценивался в 1,18 млрд руб. [9]. После завершения боёв Россия 26 августа 2008 г. признала независимость Южной Осетии [54], позднее она разместила в регионе собственную военную базу, а 8 октября 2008 г. официально объявила о завершении ОПМ в Южной Осетии [12].

Проведённый анализ миротворческой операции в Южной Осетии позволяет выделить ряд особенностей, преимуществ и недостатков, которые в совокупности опередили общую эффективность и итоговый результат миссии.

В числе особенностей ОПМ в Южной Осетии можно выделить:

1) Многозадачность – в отличие от большинства классических операций по поддержанию мира ССПМ занимались не только контролем за режимом прекращения огня, но и выполняли гуманитарные, политические и правоохранительные задачи, которые типологически больше соответствует понятию миростроительства;

2) Пристрастность – включение Грузии и Южной Осетии в состав ОПМ размывало границы между прямыми участниками конфликта и миротворцами, из-за чего нарушался основополагающий принцип беспристрастности. Кроме того, крайне неординарным решением являлось выделение Северной Осетии в качестве самостоятельного участника миссии несмотря на то, что она являлась зависимым субъектом Российской Федерации и изначально поддерживала Северную Осетию. Единственной же нейтральной стороной в составе миссии являлась Россия, однако с 2000-х гг. она начала постепенно склоняться в сторону поддержки Южной Осетии;

3) Бессрочность – уникальной чертой ОПМ в Южной Осетии являлось отсутствие ограничений по сроку деятельности миссии, поскольку в мандате обозначалось, что миссия завершит свою деятельность только после окончательного урегулирования конфликта. Для досрочного же вывода миротворцев требовалось согласие всех четырёх сторон, что являлось фактически невозможным, поскольку Россия стремилась сохранить влияние на Южном Кавказе, Северная Осетия находилась под контролем Москвы, а Южная Осетия была заинтересована в миротворцах в качестве гаранта безопасности от агрессивных действий Грузии;

4) Скрытое единоличное лидерство – несмотря на формально смешанный характер миротворческой операции, ключевую роль всё равно сохраняла Россия, поскольку она инициировала ОПМ, осуществляла прямое руководство ССПМ, предоставляла наиболее многочисленный и боеспособный контингент, а также выступала в качестве стержневой основы, без которой вся миссия фактически бы развалилась при первой же вспышке вооружённого конфликта между Грузией и Южной Осетией;

5) Разветвлённая организационная структура – помимо непосредственно миротворческого контингента (ССПМ и СГН) и руководящих органов (СКК и ОК), в составе миссии создавались специализированные структуры для выполнения узконаправленных задач (СМПЦ, Советы, СКЦ ВПО), что было обусловлено многозадачностью операции.

Наряду с общими особенностями, ОПМ в Южной Осетии также имело ряд преимуществ по сравнению с другими миротворческими операциями:

1) Широкий спектр задач, обозначенных в мандате, в перспективе позволял восстановить не только безопасность, но и благополучие в зоне конфликта. Многозадачность миротворческой операции всегда является важным индикатором реального стремления миротворцев создать основу для долгосрочного мирного существования, а не просто заморозить конфликт, оставив регион в руинах, а население в бедности;

2) Право применять оружие для самообороны и защиты мандата позволило эффективно выполнять военные задачи по ликвидации незаконных вооружённых формирований и локализации небольших вспышек вооружённых столкновений в сфере ответственности;

3) Единое военное руководство с широкими полномочиями Командующего обеспечивало организационное

единство в смешанном миротворческом контингенте и позволяло оперативно реагировать на изменение ситуации без громоздких бюрократических процедур;

4) Экстерриториальность миротворцев являлась важной правовой гарантией функционирования миссии вне зависимости от изменяющихся политических обстоятельств вокруг зоны конфликта и между членами СКК.

Однако, несмотря на все преимущества, ОПМ в Южной Осетии содержала и ряд недостатков:

1) Включение участников конфликта в состав миссии являлось «бомбой замедленного действия», поскольку Грузия в конечном итоге перешла от конструктивного сотрудничества к прямому саботажу миротворческой операции, а затем и полному развалу всех ранее достигнутых договорённостей;

2) Личный состав и вооружение ССПМ не позволяли эффективно выполнять значительную часть поставленных задач, поскольку первоначальный контингент формировался из числа военных и добровольцев вместо специально подготовленных миротворцев. Кроме того, из-за небольшой численности и отсутствия тяжёлого вооружения, техники и ВВС ССПМ не имели возможности защитить мандат в случае крупного наступления или несанкционированных пролётов над зоной безопасности со стороны одного из участников конфликта;

3) Низкая эффективность выполнения большинства невоенных задач, связанных с гуманитарной, политической и правоохранительной деятельностью, снижала общую продуктивность миссии;

4) Слабое финансирование ОПМ не только препятствовало выполнению восстановительных работ в регионе, но и снижало моральный дух миротворцев, которые на протяжении многих месяцев не получали положенное жалование, даже несмотря на невысокие зарплаты и страховые выплаты.

Результаты. Совокупные особенности, преимущества и недостатки ОПМ в Южной Осетии напрямую повлияли на эффективность выполнения поставленных задач и конечный итог всей миссии. В числе военных задач ССПМ полностью выполнили ещё на первом этапе вывод вооружённых сил Южной Осетии и Грузии из зоны ответственности, разоружили или ликвидировали все незаконные формирования и в дальнейшем поддерживали регулярный контроль за тяжёлым вооружением и техникой. Однако задача по поддержанию безопасности и режима прекращения огня была выполнена лишь частично, поскольку ССПМ эффективно действовали только на первом этапе, но с 2002 г. они уже не могли предотвратить постоянно возникающие вспышки конфликта и в дальнейшем остановить вторжение Грузии в 2008 г. Также частично удалось выполнить разминирование территории на первом этапе, но после активизации конфликта летом 2004 г. зона конфликта вновь оказалась заминированной, а дальнейшая работа парализованной из-за постоянной военной активности Грузии.

Выполнение гуманитарных задач также оставалось малоэффективным, т.к. в рамках миротворческой операции не удалось восстановить гражданскую инфраструктуру в Южной Осетии и обеспечить возвращение беженцев в регион. На первом этапе восстановитель-

ные работы почти не финансировались, а на втором были фактически парализованы из-за постоянного военного обострения ситуации со стороны Грузии. В отношении же беженцев миротворцы сумели обеспечить безопасное возвращение некоторых людей, но подавляющее большинство бывшего населения так и не вернулось в Южную Осетию. Задача по обеспечению контроля за соблюдением прав человека и национальных меньшинств аналогичным образом была выполнена лишь частично. На первом этапе не зафиксировано массовых или системных случаев нарушения прав человека и национальных меньшинств, однако на второй фазе операции всё чаще начали встречаться случаи убийств на этнической почве, в т.ч. и в отношении южно-осетинских и грузинских миротворцев.

В свою очередь, политические задачи по содействию мирному урегулированию оказались полностью проваленными, поскольку за 16 лет так и не было достигнуто никакого прогресса в переговорах, а в 2008 г. конфликт и вовсе перешёл в горячую фазу. Выполнение правоохранительных задач, связанных с борьбой против преступности, также оказалось неудовлетворительным. В период 1992–1996 г. криминальная ситуация в сфере ответственности миротворцев непрерывно ухудшалась с каждым годом, только в непродолжительный период 1997–2001 г. наметилась некоторая положительная динамика, связанная со снижением числа преступлений. Однако с 2002 г. вновь обозначился рост преступности, включая ранее не фиксируемые захваты заложников и вооружённые нападения на мирных жителей со стороны отдельных лиц.

В конечном итоге из 10 ключевых задач по 4 направлениям деятельности ОПМ в Южной Осетии удалось полностью выполнить только три, причём исключительно в военной сфере. Ещё три задачи были реализованы лишь частично (две в военной сфере и одна в гуманитарной), остальные же четыре цели оказались фактически проваленными, прежде всего в политической и правоохранительной деятельности. Тем самым на основе полученных данных можно сделать вывод, что ОПМ в Южной Осетии характеризовалась средней эффективностью в решении конкретных задач, лучше всего выполнялись военные функции, однако гуманитарные оказались малоэффективными, а политические и правоохранительные полностью проваленными. Главная же цель миссии, связанная с мирным урегулированием конфликта и поддержанием режима прекращения огня, не была выполнена, поскольку после череды регулярных нарушений Грузия перешла в полномасштабное военное наступление в августе 2008 г. Тем не менее, провал ОПМ в Южной Осетии произошёл не по вине миротворцев, а в результате агрессивной политики Грузии в 2000-х гг., а также в силу самой специфики миссии со всеми её особенностями, недостатками и ограничениями. Последующее же прекращение огня произошло только в результате того, что Москва, отказавшись от посреднического статуса в конфликте, открыто поддержала Южную Осетию, что в итоге привело к очередной заморозке конфликта, но уже под прямой военной гарантией России.

Литература

1. В Южной Осетии объявлена всеобщая мобилизация // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2008/07/04/shooting> (дата обращения: 07.12.2024).
2. Винокуров А. Ю. К вопросу о правовых основах пребывания российских миротворцев в зоне грузино-осетинского вооружённого конфликта (1992–2008 гг.) // Армия и общество. 2010. № 2. С. 142–145.

3. Гобозов В. Ф. Некоторые малоизвестные аспекты российской миротворческой миссии в Южной Осетии // Столыпинский вестник. 2022. № 8. С. 4251–4262.
4. Гуров В. А. Отечественные вооруженные силы Российской Федерации в миротворческой операции в Южной Осетии (1992–2008гг.) // Карельский научный журнал. 2016. № 2. С. 64–66.
5. Заявление о фактах нарушения системы управления ССПМ в зоне грузино-осетинского конфликта и мерах по обеспечению их эффективного функционирования от 30 июля 2002 г. URL: https://rrc.ge/law/gansx_2002_07_30_r.htm?lawid=1265&lng_3=ru (дата обращения: 07.12.2024).
6. Заявление сопредседателей СКК от 2 июня 2004 г. URL: https://rrc.ge/law/skk3gan_2004_02_06_r.htm?lawid=1644&lng_3=ru (дата обращения: 08.12.2024).
7. Заявление сопредседателей СКК от 23 декабря 2004 г. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot41dan1_2004_12_22_r.htm?lawid=1236&lng_3=ru (дата обращения: 09.12.2024).
8. Золотухин Г. А. Правовые источники участия вооруженных сил РФ в операциях по поддержанию мира с СНГ // Московский журнал международного права. 2000. № 2. С. 90–96.
9. История Грузино-югоосетинского конфликта // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/572907> (дата обращения: 09.12.2024).
10. Концепция внешней политики РФ от 31 марта 2023 г. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586> (дата обращения: 10.12.2024).
11. Меморандум о мерах по обеспечению безопасности и укреплению взаимного доверия между сторонами в грузино-осетинском конфликте от 16 мая 1996 г. // Конфликты в Абхазии и Южной Осетии: документы 1989–2006 гг. М.: Русская панорама, 2008. С. 299–301.
12. Миротворцы ушли, но миротворческая миссия продолжается // Южная Осетия. URL: <https://ugo-osetia.ru/obshhestvo/mirotvortsy-ushli-no-mirotvorcheskaya-missiya-prodolzhaetsya> (дата обращения: 10.12.2024).
13. Миротворцы: Над Южной Осетией незаконно летают беспилотники // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/25/07/2008/5703cde9a79473dc8147cdd> (дата обращения: 10.12.2024).
14. Миротворческая деятельность России в Южной Осетии. Справка // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20080827/150715465.html> (дата обращения: 11.12.2024).
15. Миротворческая операция в Южной Осетии: история, факты, документы (часть 1) // Республика. URL: <https://respublikarso.org/date/4334-mirotvorcheskaya-operaciya-v-yuzhnoy-osetii-istoriya-fakty-dokumenty-chast-1.html> (дата обращения: 11.12.2024).
16. Миротворческие силы в Южной Осетии // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5752> (дата обращения: 11.12.2024).
17. Обращение СКК к Европейской комиссии от 9 июля 2002 г. URL: https://rrc.ge/law/deklar_%202002_07_09_r.htm?lawid=1275&lng_3=ru (дата обращения: 12.12.2024).
18. Положение о СКК от 31 октября 1994 г. // Конфликты в Абхазии и Южной Осетии: документы 1989–2006 гг. М.: Русская панорама, 2008. С. 286–288.
19. Положение о смешанных силах по установлению мира и поддержанию правопорядка в зоне конфликта от 12 июля 1992 г. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot3dan1_1992_07_12_r.htm?lawid=1246&lng_3=ru (дата обращения: 12.12.2024).
20. Положение о Специальном координационном центре при СКК по взаимодействию правоохранительных органов в зоне грузино-осетинского конфликта от 21 апреля 2001 г. URL: https://rrc.ge/law/debull_2001_04_21_r.htm?lawid=1232&lng_3=ru (дата обращения: 12.12.2024).
21. Положение об основных принципах деятельности воинских контингентов и групп наблюдателей, предназначенных для нормализации ситуации в зоне грузино-осетинского конфликта. Приложение № 1 к решению СКК от 6 декабря 1994 г. // Конфликты в Абхазии и Южной Осетии: документы 1989–2006 гг. М.: Русская панорама, 2008. С. 290–294.
22. Протокол № 2 Заседания СКК от 6 июля 1992 г. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot2_1992_07_06_r.htm?lawid=1243&lng_3=ru (дата обращения: 13.12.2024).
23. Протокол № 23 Заседания СКК от 9 июля 2002 г. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot23_%202002_07_09_r.htm?lawid=920&lng_3=ru (дата обращения: 13.12.2024).
24. Протокол № 24 экстренного Заседания СКК от 30 июля 2002 г. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot24_2002_07_30_r.htm?lawid=918&lng_3=ru (дата обращения: 13.12.2024).
25. Протокол № 25 Заседания СКК от 3–4 октября 2002 г. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot25_2002_10_03_r.htm?lawid=922&lng_3=ru (дата обращения: 13.12.2024).
26. Протокол № 28 Заседания СКК от 23–26 июня 2003 г. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot28_2003_06_23_r.htm?lawid=939&lng_3=ru (дата обращения: 13.12.2024).
27. Протокол № 3 Заседания СКК от 12 июля 1992 г. URL: https://rrc.ge/law/Skkprt3_1992_07_12_r.htm?lawid=1237&lng_3=ru (дата обращения: 14.12.2024).
28. Протокол № 36 экстренного Заседания СКК от 13–14 августа 2004 г. URL: https://rrc.ge/law/prot36_2004_13_08_R.htm?lawid=1629&lng_3=ru (дата обращения: 14.12.2024).
29. Протокол № 39 встречи сопредседателей СКК от 20 октября 2004 г. URL: https://rrc.ge/law/prot39_2004_20_10_R.htm?lawid=1632&lng_3=ru (дата обращения: 10.12.2024).
30. Протокол № 40 Заседания СКК от 19–20 ноября 2004 г. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot40_2004_11_19_R.htm?lawid=1234&lng_3=ru (дата обращения: 14.12.2024).
31. Протокол № 45 внеочередного Заседания СКК от 24–25 октября 2005 г. URL: https://rrc.ge/law/prot45_2005_24_10_R.htm?lawid=1633&lng_3=ru (дата обращения: 14.12.2024).
32. Протокол № 46 Заседания СКК от 15–16 ноября 2005 г. URL: https://rrc.ge/law/prot46_2005_15_11_R.htm?lawid=1634&lng_3=ru (дата обращения: 14.12.2024).
33. Протокол № 48 Заседания СКК от 27–29 марта 2006 г. URL: https://rrc.ge/law/prot48_2006_29_03_R.htm?lawid=1636&lng_3=ru (дата обращения: 14.12.2024).
34. Протокол № 5 встречи сопредседателей СКК от 14–16 мая 2002 г. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot6_2002_05_16_r.htm?lawid=914&lng_3=ru (дата обращения: 15.12.2024).
35. Протокол № 5 встречи сопредседателей СКК от 28 февраля – 1 марта 2002 г. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot5_2002_02_28_r.htm?lawid=916&lng_3=ru (дата обращения: 15.12.2024).
36. Протокол № 50 встречи сопредседателей СКК от 22 июня 2006 г. URL: https://rrc.ge/law/prot50_2006_22_06_R.htm?lawid=1638&lng_3=ru (дата обращения: 15.12.2024).
37. Протокол № 9 Заседания СКК от 31 марта 1999 г. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot9_1999_03_31_r.htm?lawid=884&lng_3=ru (дата обращения: 16.12.2024).

38. Протокол встречи председателя Госсовета Республики Грузия Э.А. Шеварднадзе и председателя Верховного Совета Северо-Осетинской ССР А. Х. Галазова от 10 июня 1992 г. // Конфликты в Абхазии и Южной Осетии: документы 1989–2006 г. М.: Русская панорама, 2008. С. 249–250.
39. Протокол встречи представителей сторон по выполнению Соглашения о принципах урегулирования грузино-осетинского конфликта от 4 июля 1992 г. // Рес. URL: <https://cominf.org/node/1166483728> (дата обращения: 17.12.2024).
40. Решение №2 СКК о создании совместной группы наблюдателей от 8 июля 1992 г. URL: https://rrc.ge/law/Skkgadask2_1992_07_04_r.htm?lawid=1241&lng_3=ru (дата обращения: 17.12.2024).
41. Решение СКК о восстановлении экономики в зоне грузино-осетинского конфликта от 31 марта 1999 г. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot9dan2_1999_03_31_r.htm?lawid=1221&lng_3=ru (дата обращения: 17.12.2024).
42. Решение СКК о деятельности ССПМ в зоне грузино-осетинского конфликта от 23 июля 1996 г. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot6dan1_1996_07_23_r.htm?lawid=1286&lng_3=ru (дата обращения: 18.12.2024).
43. Решение СКК о деятельности ССПМ в зоне грузино-осетинского конфликта от 13 февраля 1997 г. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot7dan1_1997_02_13_r.htm?lawid=1262&lng_3=ru (дата обращения: 19.12.2024).
44. Решение СКК о деятельности ССПМ и взаимодействии правоохранительных органов сторон в зоне грузино-осетинского конфликта от 10 февраля 2003 г. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot26dan2_2003_02_09_r.htm?lawid=1281&lng_3=ru (дата обращения: 20.12.2024).
45. Решение СКК о мерах по возвращению беженцев и вынужденно перемещённых лиц в результате грузино-осетинского конфликта в места прежнего постоянного проживания от 13 февраля 1997 г. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot7dan2_1997_02_13_r.htm?lawid=1308&lng_3=ru (дата обращения: 20.12.2024).
46. Решение СКК о несанкционированных полётах летательных аппаратов над территорией зоны ответственности ССПМ от 30 июля 2002 г. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot24dan2_2002_07_30_r.htm?lawid=1264&lng_3=ru (дата обращения: 20.12.2024).
47. Решение СКК о реализации реабилитационной программы Еврокомиссии от 14–16 мая 2003 г. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot27dan2_2003_05_14_r.htm?lawid=1228&lng_3=ru (дата обращения: 21.12.2024).
48. Решение СКК о ССПМ от 6 декабря 1994 г. // Конфликты в Абхазии и Южной Осетии: документы 1989–2006 г. М.: Русская панорама, 2008. С. 288–290.
49. Решение СКК о ходе возвращения беженцев от 23 июля 1999 г. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot10dan3_1999_07_23_r.htm?lawid=1294&lng_3=ru (дата обращения: 22.12.2024).
50. Решение СКК о ходе выполнения решений СКК о ССПМ от 9 июня 1995 г. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot4dan2_1995_06_09_r.htm?lawid=1251&lng_3=ru (дата обращения: 22.12.2024).
51. Решение СКК о ходе строительно-восстановительных работ в зоне грузино-осетинского конфликта от 23 июля 1996 г. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot6dan4_1996_07_23_r.htm?lawid=1307&lng_3=ru (дата обращения: 23.12.2024).
52. Решение СКК от 3 августа 1992 г. URL: https://rrc.ge/law/Skkgadask_1992_08_03_r.htm?lawid=1238&lng_3=ru (дата обращения: 24.12.2024).
53. Решение СКК от 6 декабря 1994 г. URL: https://rrc.ge/law/SKKprot3gad2_1994_12_06_r.htm?lawid=1211&lng_3=ru (дата обращения: 25.12.2024).
54. Самутина О. С., Юматов К. В. Россия и Европейский союз на Южном Кавказе: миротворчество и мифотворчество // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2014. № 7. С. 88–94.
55. Серый Н. И. Роль российской Федерации в создании и деятельности Смешанной контрольной комиссии как основного института урегулирования грузино-осетинского конфликта // Вестник Костромского государственного университета. 2014. № 2. С. 68–71.
56. Соглашение о дальнейшем развитии процесса мирного урегулирования грузино-осетинского конфликта и о СКК от 31 октября 1994 г. // Конфликты в Абхазии и Южной Осетии: документы 1989–2006 г. М.: Русская панорама, 2008. С. 285–286.
57. Соглашение о принципах урегулирования грузино-осетинского конфликта от 24 июня 1992 г. // Конфликты в Абхазии и Южной Осетии: документы 1989–2006 г. М.: Русская панорама, 2008. С. 252–253.
58. Это волшебное слово – миротворец! // Республика. URL: <https://respublikarso.org/date/print:page,1,2620-eto-volshebnoe-slovo-mirotvorec.html> (дата обращения: 26.12.2024).
59. Южно-осетинский разлом // Минобороны РФ. URL: <https://ossetia1992.mil.ru> (дата обращения: 27.12.2024).

References

1. General mobilization declared in South Ossetia. Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2008/07/04/shooting> (accessed: 07.12.2024). (In Russ.).
2. Vinokurov AYu. On the issue of the legal basis for the presence of Russian peacekeepers in the zone of the Georgian-Ossetian armed conflict (1992–2008). *Armiya i obshchestvo*. 2010;(10):142–145. (In Russ.).
3. Gobozov VF. Some little-known aspects of the Russian peacekeeping mission in South Ossetia. *Stolypinskii vestnik*. 2022;(8):4251–4262. (In Russ.).
4. Gurov VA. Domestic Russian armed forces in the peacekeeping operation in South Ossetia (1992–2008). *Karel'skii nauchnyi zhurnal*. 2016;(2):64–66. (In Russ.).
5. Statement on the facts of violation of the JPKF management system in the Georgian-Ossetian conflict zone and measures to ensure their effective functioning of 30 July 2002. URL: https://rrc.ge/law/gansx_2002_07_30_r.htm?lawid=1265&lng_3=ru (accessed: 07.12.2024). (In Russ.).
6. Statement by the Co-Chairs of the JCC of 2 June 2004. URL: https://rrc.ge/law/skk3gan_2004_02_06_r.htm?lawid=1644&lng_3=ru (accessed: 08.12.2024). (In Russ.).
7. Statement by the Co-Chairs of the JCC of 23 December 2004. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot41dan1_2004_12_22_r.htm?lawid=1236&lng_3=ru (accessed: 09.12.2024). (In Russ.).
8. Zolotukhin GA. Legal sources of participation of the Russian armed forces in peacekeeping operations with the CIS. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava*. 2000;(2):90–96. (In Russ.).
9. TASS. History of the Georgian-South Ossetian conflict. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/572907> (accessed: 09.12.2024). (In Russ.).
10. MFARF. Foreign Policy Concept of the Russian Federation of 31 March 2023. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586> (accessed: 10.12.2024). (In Russ.).
11. Memorandum on measures to ensure security and strengthen mutual trust between the parties in the Georgian-Ossetian conflict of 16 May 1996. In: Conflicts in Abkhazia and South Ossetia: documents 1989–2006. Moscow: Russian panorama, 2008. p. 299–301. (In Russ.).
12. South Ossetia. The peacekeepers have left, but the peacekeeping mission continues. URL: <https://ugo-osetia.ru/obshhestvo/mirotvortsy-ushli-no-mirotvorcheskaya-missiya-prodolzhaetsya> (accessed: 10.12.2024). (In Russ.).

13. RBC. Peacekeepers: Drones are flying illegally over South Ossetia. URL: <https://www.rbc.ru/politics/25/07/2008/5703cded9a79473dc8147cdd> (accessed: 10.12.2024). (In Russ.).
14. RIA News. Russia's peacekeeping activities in South Ossetia. Reference. URL: <https://ria.ru/20080827/150715465.html> (accessed: 11.12.2024). (In Russ.).
15. Republic. Peacekeeping operation in South Ossetia: history, facts, documents (part 1). URL: <https://respublikarso.org/date/4334-mirotvorcheskaya-operaciya-v-yuzhnoy-osetii-istoriya-fakty-dokumenty-chast-1.html> (accessed: 11.12.2024). (In Russ.).
16. Kommersant. Peacekeeping forces in South Ossetia. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5752> (accessed: 11.12.2024). (In Russ.).
17. Appeal of the JCC to the European Commission of 9 July 2002. URL: https://rrc.ge/law/deklar_%202002_07_09_r.htm?lawid=1275&lng_3=ru (accessed: 12.12.2024). (In Russ.).
18. Regulations on the JCC of 31 October 1994. In: Conflicts in Abkhazia and South Ossetia: documents 1989–2006. Moscow: Russian panorama, 2008. p. 286–288. (In Russ.).
19. Regulations on the joint forces for the establishment of peace and maintenance of law and order in the conflict zone of 12 July 1992. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot3dan1_1992_07_12_r.htm?lawid=1246&lng_3=ru (accessed: 12.12.2024). (In Russ.).
20. Regulation on the Special Coordination Center under the JCC for interaction between law enforcement agencies in the Georgian-Ossetian conflict zone of 21 April 2001. URL: https://rrc.ge/law/debull_2001_04_21_r.htm?lawid=1232&lng_3=ru (accessed: 12.12.2024). (In Russ.).
21. Regulation on the basic principles of the activities of military contingents and observer groups intended to normalize the situation in the Georgian-Ossetian conflict zone. Appendix No. 1 to the decision of the JCC of 6 December 1994. In: Conflicts in Abkhazia and South Ossetia: documents 1989–2006. Moscow: Russian panorama, 2008. p. 290–294. (In Russ.).
22. Minutes No. 2 of the JCC meeting of 6 July 1992. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot2_1992_07_06_r.htm?lawid=1243&lng_3=ru (accessed: 13.12.2024). (In Russ.).
23. Minutes No. 23 of the JCC meeting of 9 July 2002. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot23_%202002_07_09_r.htm?lawid=920&lng_3=ru (accessed: 13.12.2024). (In Russ.).
24. Minutes No. 24 of the emergency meeting of the JCC of 30 July 2002. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot24_2002_07_30_r.htm?lawid=918&lng_3=ru (accessed: 13.12.2024). (In Russ.).
25. Minutes No. 25 of the JCC meeting of 3–4 October 2002. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot25_2002_10_03_r.htm?lawid=922&lng_3=ru (accessed: 13.12.2024). (In Russ.).
26. Minutes No. 28 of the JCC meeting of 23–26 June 2003. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot28_2003_06_23_r.htm?lawid=939&lng_3=ru (accessed: 13.12.2024). (In Russ.).
27. Minutes No. 3 of the JCC meeting of 12 July 1992. URL: https://rrc.ge/law/Skkprt3_1992_07_12_r.htm?lawid=1237&lng_3=ru (accessed: 14.12.2024). (In Russ.).
28. Minutes No. 36 of the emergency meeting of the JCC of 13–14 August 2004. URL: https://rrc.ge/law/prot36_2004_13_08_R.htm?lawid=1629&lng_3=ru (accessed: 14.12.2024). (In Russ.).
29. Minutes No. 39 of the meeting of the co-chairs of the JCC of 20 October 2004. URL: https://rrc.ge/law/prot39_2004_20_10_R.htm?lawid=1632&lng_3=ru (accessed: 10.12.2024). (In Russ.).
30. Minutes No. 40 of the JCC meeting of 19–20 November 2004. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot40_2004_11_19_R.htm?lawid=1234&lng_3=ru (accessed: 14.12.2024). (In Russ.).
31. Minutes No. 45 of the extraordinary meeting of the JCC of 24–25 October 2005. URL: https://rrc.ge/law/prot45_2005_24_10_R.htm?lawid=1633&lng_3=ru (accessed: 14.12.2024). (In Russ.).
32. Minutes No. 46 of the JCC meeting of 15–16 November 2005. URL: https://rrc.ge/law/prot46_2005_15_11_R.htm?lawid=1634&lng_3=ru (accessed: 14.12.2024). (In Russ.).
33. Minutes No. 48 of the JCC meeting of 27–29 March 2006. URL: https://rrc.ge/law/prot48_2006_29_03_R.htm?lawid=1636&lng_3=ru (accessed: 14.12.2024). (In Russ.).
34. Minutes No. 5 of the meeting of the co-chairs of the JCC of 14–16 May 2002. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot6_2002_05_16_r.htm?lawid=914&lng_3=ru (accessed: 15.12.2024). (In Russ.).
35. Minutes No. 5 of the meeting of the Co-Chairs of the JCC of 28 February – 1 March 2002. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot5_2002_02_28_r.htm?lawid=916&lng_3=ru (accessed: 15.12.2024). (In Russ.).
36. Minutes No. 50 of the meeting of the Co-Chairs of the JCC of 22 June 2006. URL: https://rrc.ge/law/prot50_2006_22_06_R.htm?lawid=1638&lng_3=ru (accessed: 15.12.2024). (In Russ.).
37. Minutes No. 9 of the JCC meeting of 31 March 1999. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot9_1999_03_31_r.htm?lawid=884&lng_3=ru (accessed: 16.12.2024). (In Russ.).
38. Minutes of the meeting of the Chairman of the State Council of the Republic of Georgia E.A. Shevardnadze and the Chairman of the Supreme Council of the North Ossetian SSR A.Kh. Galazov of 10 June 1992. In: Conflicts in Abkhazia and South Ossetia: documents 1989–2006. Moscow: Russian panorama, 2008. p. 249–250. (In Russ.).
39. Res. Minutes of the meeting of representatives of the parties on the implementation of the Agreement on the principles of settlement of the Georgian-Ossetian conflict of 4 July 1992. URL: <https://cominf.org/node/1166483728> (accessed: 17.12.2024). (In Russ.).
40. Decision No. 2 of the JCC on the establishment of a joint observer group of 8 July 1992. URL: https://rrc.ge/law/Skkgadask2_1992_07_04_r.htm?lawid=1241&lng_3=ru (accessed: 17.12.2024). (In Russ.).
41. Decision of the JCC on the restoration of the economy in the Georgian-Ossetian conflict zone of 31 March 1999. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot9dan2_1999_03_31_r.htm?lawid=1221&lng_3=ru (accessed: 17.12.2024). (In Russ.).
42. Decision of the JCC on the activities of the JPKF in the Georgian-Ossetian conflict zone of 23 July 1996. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot6dan1_1996_07_23_r.htm?lawid=1286&lng_3=ru (accessed: 18.12.2024). (In Russ.).
43. Decision of the JCC on the activities of the JPKF in the Georgian-Ossetian conflict zone of 13 February 1997. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot7dan1_1997_02_13_r.htm?lawid=1262&lng_3=ru (accessed: 19.12.2024). (In Russ.).
44. Decision of the JCC on the activities of the JPKF and the interaction of law enforcement agencies of the parties in the Georgian-Ossetian conflict zone of 10 February 2003. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot26dan2_2003_02_09_r.htm?lawid=1281&lng_3=ru (accessed: 20.12.2024). (In Russ.).
45. Decision of the JCC on measures to return refugees and internally displaced persons as a result of the Georgian-Ossetian conflict to their former places of permanent residence of 13 February 1997. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot7dan2_1997_02_13_r.htm?lawid=1308&lng_3=ru (accessed: 20.12.2024). (In Russ.).
46. Decision of the JCC on unauthorized flights of aircraft over the territory of the JPKF zone of responsibility of 30 July 2002. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot24dan2_2002_07_30_r.htm?lawid=1264&lng_3=ru (accessed: 20.12.2024). (In Russ.).
47. Decision of the JCC on the implementation of the European Commission's rehabilitation program of 14–16 May 2003. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot27dan2_2003_05_14_r.htm?lawid=1228&lng_3=ru (accessed: 21.12.2024). (In Russ.).

48. Decision of the JCC on the JPKF of 6 December 1994. In: Conflicts in Abkhazia and South Ossetia: documents 1989–2006. Moscow: Russian panorama, 2008. p. 288–290.
49. Decision of the JCC on the progress of the return of refugees of 23 July 1999. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot10dan3_1999_07_23_r.htm?lawid=1294&lng_3=ru (accessed: 22.12.2024). (In Russ.).
50. Decision of the JCC on the progress of implementing the decisions of the JCC on the JPKF of 9 June 1995. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot4dan2_1995_06_09_r.htm?lawid=1251&lng_3=ru (accessed: 22.12.2024). (In Russ.).
51. Decision of the JCC on the progress of construction and restoration work in the Georgian-Ossetian conflict zone 23 July 1996. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot6dan4_1996_07_23_r.htm?lawid=1307&lng_3=ru (accessed: 23.12.2024). (In Russ.).
52. Decision of the JCC of 3 August 1992. URL: https://rrc.ge/law/Skkgadask_1992_08_03_r.htm?lawid=1238&lng_3=ru (accessed: 24.12.2024). (In Russ.).
53. Decision of the JCC of 6 December 1994. URL: https://rrc.ge/law/SKKprot3gad2_1994_12_06_r.htm?lawid=1211&lng_3=ru (accessed: 25.12.2024). (In Russ.).
54. Samutina OS, Yumatov KV. Russia and the European Union in the South Caucasus: Peacemaking and Mythmaking. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*. 2014;(7):88–94. (In Russ.).
55. Seryi NI. The role of the Russian Federation in the creation and activities of the Joint Control Commission as the main institution for the settlement of the Georgian-Ossetian conflict. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014;(2):68–71. (In Russ.).
56. Agreement on the further development of the process of peaceful settlement of the Georgian-Ossetian conflict and on the JCC of 31 October 1994. In: Conflicts in Abkhazia and South Ossetia: documents 1989–2006. Moscow: Russian panorama, 2008. p. 285–286. (In Russ.).
57. Agreement on the principles of settlement of the Georgian-Ossetian conflict of 24 June 1992. In: Conflicts in Abkhazia and South Ossetia: documents 1989–2006. Moscow: Russian panorama, 2008. p. 252–253. (In Russ.).
58. Republic. This is the magic word – peacemaker! URL: <https://respublikarso.org/date/print:page,1,2620-eto-volshebnoe-slovo-mirotvorec.html> (accessed: 26.12.2024). (In Russ.).
59. MinDefense RF. South Ossetian fault. URL: <https://ossetia1992.mil.ru> (accessed: 27.12.2024). (In Russ.).